

Вчера вечером с неизвестного адреса на адрес электронной почты Газетного клуба, который был на домашней странице нашей школы, были отправлены некоторые фотографии. И, первое, что сделал Газетный клуб утром, это раздал ученикам срочный выпуск своей газеты. Поэтому потребовалось не так много времени, чтобы газеты попали в руки учителей.

Цветная фотография в газете: Айзава и мужчина средних лет настороженно оглядываются возле входа в любовный отель, рядом с ними розовая иллюминированная вывеска с названием отеля и ценами на комнаты.

Директор сразу же провёл срочное совещание персонала. Старшая школа Уротан — одно из самых известных учебных заведений в префектуре. Администрация школы захотела защитить репутацию школы, и, похоже, они решили замять проблему прежде, чем распространились бы плохие слухи.

— Чёрт!

В клубе после школы я снова просматриваю срочный выпуск газеты, сжимая зубы.

«Вероятно, в то время мы были сфотографированы сталкером. Если бы я продумал всё тщательнее, этого бы не случилось!..»

Из-за сожаления и угрызений совести сегодня в классе я совсем не смог сосредоточиться. Но, должно быть, в нашем классе есть ещё один человек, который чувствует себя так же, раз он сегодня не пришёл на занятия.

«Синономэ, должно быть, изо всех сил пыталась помочь Айзава...»

Эта девушка является единственным наследником конгломерата Синономэ, управляющей нашей школой, и её слова, вероятно, смогут повлиять на учителей. Поэтому наверняка она старалась защитить свою подругу Айзава от исключения со школы. Но сейчас было очень поздно, и я всё время нервничал.

«Интересно, как там Айзава?..»

Я вспомнил лицо и слёзы Айзавы прошлой ночью.

«Она так сильно плакала только потому, что не могла отказаться, раз я и Синономэ потратили на неё много усилий. Как она отреагировала, когда услышала об исключении со школы?»

Только представив это, я преисполнен гневом к себе, как и прошлой ночью. В это время в дверь комнаты клуба постучали. В комнату вошла девушка с пронизательными глазами, с ещё более холодным выражением лица, чем обычно, внушающим страх...

— Синономэ!!! Отлично, я переживал, что сегодня не смогу встретиться с тобой! — Я, ожидающий её с нетерпением, немедленно встал с дивана и бросился к ней.

— Да? Приятно, когда ты говоришь слова, которые я ждала. Жаль, лишь сейчас...

— Э... Что, что ты имеешь в виду?

Синономэ сразу же объявляет, отводя в сторону свои холодные глаза.

— Решение исключить Айзава Манаху приобрело официальный статус. Последуют объяснение ситуации её родителям и прочие процедуры, все документы будут подписаны через два дня. Я

сообщаю это тебе, так как та девушка является членом Литературного клуба.

Понимая, что надежды нет, я смотрю в пол, чувствуя себя подавленным.

«Нельзя обвинять Синономэ. В конце концов, она, должно быть, пыталась уладить этот инцидент с Айзавой с утра и до сих пор...

Ну, я хочу так думать. Но, нет...

Как только что Синономэ называла Айзаву, которую можно было считать её близкой подругой? Как и раньше, когда она ненавидела её, она назвала её "та девушка"?»

— Эй, Синономэ. На всякий случай я хочу услышать, чем ты до сих пор занималась?..

Не обращая внимания на меня, скрежущего зубами, она расчёсывает свои гладкие чёрные волосы.

— Чем я занималась? Я бесконечно слушала учителей, выступающих против моего решения. Та девушка, несмотря на её внешность, трудолюбива, поэтому она завоевала доверие учителей. Многие из них упорствовали, что это была какая-то ошибка, и просили меня похлопотать об отмене её исключения. Несмотря на то, что окончательное решение моего деда было доставлено в школу, в итоге мы неожиданно бесполезно тратим так много времени.

— О чём ты говоришь? Ты ответила так, словно поддерживаешь исключение Айзавы со школы...

— Какой глупый парень. Именно об этом я и сказала.

Мои глаза сузились, и я крайне раздражён.

— Сегодня утром я присутствовала на совещании учителей в качестве представителя председателя правления. Всё же это место первоначально предназначено для лица, управляющего администрацией и персоналом школы, поэтому, когда я посчитала, что это скажется на репутации школы, я немедленно приняла строгие меры.

— Подожди! Хотя Айзава засветилась на той фотографии, она в действительности не занималась проституцией, ты ведь знаешь это, не так ли??? И ты выступаешь за то, чтобы твою подругу исключили из школы?!

«Даже если её собираются исключить из школы, это ещё не окончательное распоряжение. Но я могу понять учителей по разные стороны баррикад в этом вопросе».

— Я уже говорила. Я буду следующей главой семьи Синономэ, и без твёрдой воли я не смогу управлять конгломератом в одиночку. Мне не нужно что-то вроде друзей или компаньонов, и я не должна ставить свои личные чувства превыше интересов организации.

«Но всё-таки в случае Айзавы подобное распоряжение уж слишком поспешное. В самом деле, это невысказано, чтобы рассудительная Синономэ вынесла такое необоснованное решение. Я не понимаю, что заставляет её так поступать, и почему она так торопится с этим покончить».

— Айзава не занималась чем-то вроде проституции. Если её исключат, я никогда не прощу тебя.

— ...Хе-е. Ты всё ещё на стороне этой девушки?

Я посмотрел на лицо Синономэ — оно немного омрачилось. Но в итоге она как ни в чём не бывало слегка улыбнулась.

— Если ты хочешь предотвратить её исключение, постарайся изо всех сил на общем школьном собрании через два дня. Мы планируем выслушать мнения учеников по поводу наказания Айзавы Манахи. Ну-у, так или иначе, такой слух гулял школой ещё до того, как появилась та компрометирующая фотография. Хотя можно сказать, что та девушка популярна, но я не думаю, что кто-то выступит в её защиту. Интересно, такой игнорируемый всеми человек, как ты, сможет хоть как-то ей помочь?

— Уфф... я...

Понимая, что сказала Синономэ, я сжимаю кулак.

— Фу-фу, ты ничего не можешь сделать, верно? Из-за травмы во время начальной школы ты боишься оказаться в центре внимания, и здесь ничего не поделать. Несколько недель назад в классе ты был готов потерять сознание из-за всеобщего давления, если бы я тебе не помогла. Тебе ни за что не выступить перед всеми учениками нашей школы.

«Наконец, я понимаю, кто тот враг, с которым мне приходится иметь дело в этот раз. Разумеется, это я сам. Но, в то же время, это не последний враг в сегодняшнем списке. Если я смогу преодолеть свою прошлую травму, я смогу выступить перед всеми и повлиять на общественное мнение, чтобы спасти Айзаву. Но я получу врага в лице Леди-Стервы Синономэ Ибуки, которую опасаясь здесь больше всех.

Синономэ всегда получает то, что захотела. Она не тратит время попусту, не пачкает руки, а добивается всего с помощью обмана и интриг».

— ...Другими словами, чтобы помочь Айзаве, я должен подчиниться тебе — это ты имеешь в виду, верно?

Ответа нет. Но, глядя на её губы, я могу понять, что она хочет сказать.

«Я ненавижу выделяться среди других, поэтому она считает, что я сдамся ей, не попытавшись ничего предпринять?

Например, даже если я преодолею свою травму и смогу выступить перед всей школой на этом собрании, в конце меня ждёт противостояние со сверхчеловеком Синономэ Ибуки. Более того, если я захочу отстоять невиновность Айзавы, это не будет иметь смысла из-за доказательства в виде фотографии. Синономэ, должно быть, предвидела это, и я загнан в угол, из которого есть только один выход. Но тогда, следуя её ожиданиям, смогу ли я подчиниться Синономэ?

...Но, как бы я ни переживал за Айзаву, я не могу этого сделать. Когда я учился в средней школе, то попал в сети похожей стервы, и меня использовали, чтобы потренироваться поведению на свидании, чтобы в итоге хорошо провести время со своим настоящим парнем. Я никогда больше не хотел бы проходить через подобное.

Но вчера я убедился, что Айзава — хорошая девушка. Поэтому, так или иначе, я хочу ей помочь. Но я просто не знаю, как это сделать. Чёрт, что я должен делать в этой ситуации? Кто-нибудь, скажите, пожалуйста...»

— Если ты не желаешь пасть лицом перед всей школой, ты должен знать, какой ответ я хочу от тебя услышать, верно? Ну, осталось немного времени, поэтому, пожалуйста, решайся

поскорее...

— ...Подожди.

Я задаю вопрос Синономэ, которая оборачивается и собирается уйти — вопрос, на который я хочу узнать услышать точный ясный ответ:

— Ты и в самом деле готова пойти на это? Ты действительно хочешь, чтобы твою подругу исключили? Ты забыла, что Айзава называла тебя подругой?

— ...

Я чувствую, что нынешняя Синономэ — это не та настоящая Синономэ Ибуки, и я задал этот вопрос, чтобы она всё же задумалась над этим.

Но Синономэ, помолчав некоторое время, всё же открыла дверь, выглядя несколько одиноко.

— Ты помнишь, что сказала та девушка, но не помнишь, что сказала я...

Хотя я не понимаю смысла её слов, почему-то мне больно в груди, словно в неё упёрся шип.

На следующий день на уроке я смотрю на облачное небо, из-за дождливой погоды. Айзава отсутствует — наверное, под домашним арестом. Синономэ сидит позади меня — сегодня мы не смотрели друг другу в глаза и не обменялись ни словом.

Вчера после школы я хотел как-то помочь Айзава. Но я поехал домой — Шартэ прилипла ко мне, как обычно, а после очень тщательного размышления об этом я понял, что здесь я бессилен.

В конце концов, чтобы помочь Айзава, я должен преодолеть свою травму, чтобы говорить перед всеми учениками школы, кроме того, я должен убедить Синономэ Ибуки. Абсолютно невозможно.

Поэтому я пришёл к выводу, что, должно быть, исключение Айзавы со школы стало неизбежным. Эта хорошая девушка — не стерва, и она не станет заниматься чем-то вроде проституции.

Но... если подумать обо всём этом тщательнее, Айзава ведь часто покупает и меняет фирменные товары, несмотря на то, что живёт в семье без отца? Кроме того, она не ответила мне, когда я спросил, на какую именно подработку она устроилась... Понятное дело, она продаёт своё тело за деньги. Должно быть, так.

Я осознаю, что в глубине души я так не думаю. Но, чтобы оправдать свою собственную слабость, у меня нет другого выбора, кроме как рассматривать всё с этой точки зрения, и смириться с исключением Айзавы.

После школы я иду в комнату клуба, а Синономэ уже там.

Завтра утром отменены уроки, а вместо этого состоится собрание всей школы. Так как Синономэ — представитель председателя правления, завтра утром у неё не будет времени встретиться со мной. Другими словами, сегодня последний шанс попросить её помочь Айзава. Синономэ, должно быть, ждала меня в клубе, чтобы услышать мой ответ.

Я сижу на диване напротив Синономэ, которая опустила глаза, глядя в книгу.

Я беру ранобэ из своей сумки и начинаю читать, подражая Синономэ. Хотя Синономэ мельком смотрит на меня, я погружаюсь в мир фантазий, чтобы убежать от реальности.

«Айзава, которая является членом моего клуба, под угрозой отчислений, а я здесь смиренно наслаждаюсь ранобэ».

Внезапно, подумав о том, что и этот клуб будет распущен в эту пятницу, меня совсем переполняет чувство боли.

«Конечно, я буду ощущать ужасную потерю, когда потеряю клуб. Но почему в этом чувстве потери отчётливо ощущается чувство вины перед Айзавой?»

В настоящее время я могу наслаждаться ранобэ, а Айзава по-прежнему остаётся под домашним арестом. Но как я могу спокойно смотреть, как Айзаву исключают, зная, что она невиновна? Смогу ли я и дальше проводить своё время так, как сейчас? Смогу ли я наслаждаться школьной жизнью, видя пустующее место Айзавы?»

Когда я отвлекаюсь от этих мыслей, уже пришло время покинуть школу, за окном стоит кромешная тьма. Я встаю и беру сумку, и собираюсь покинуть комнату, не поговорив с Синономэ, которая всё ещё читает книгу.

Сейчас у меня есть последний шанс попросить её помочь Айзаве. Если я в данный момент промолчу, исключение Айзавы, несомненно, будет предрешено. Но я просто ухожу, закрывая дверь дрожащей рукой. Когда я это делаю, мне кажется, что Синономэ слегка протягивает пальцы, пытаясь остановить меня.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/9797/214341>